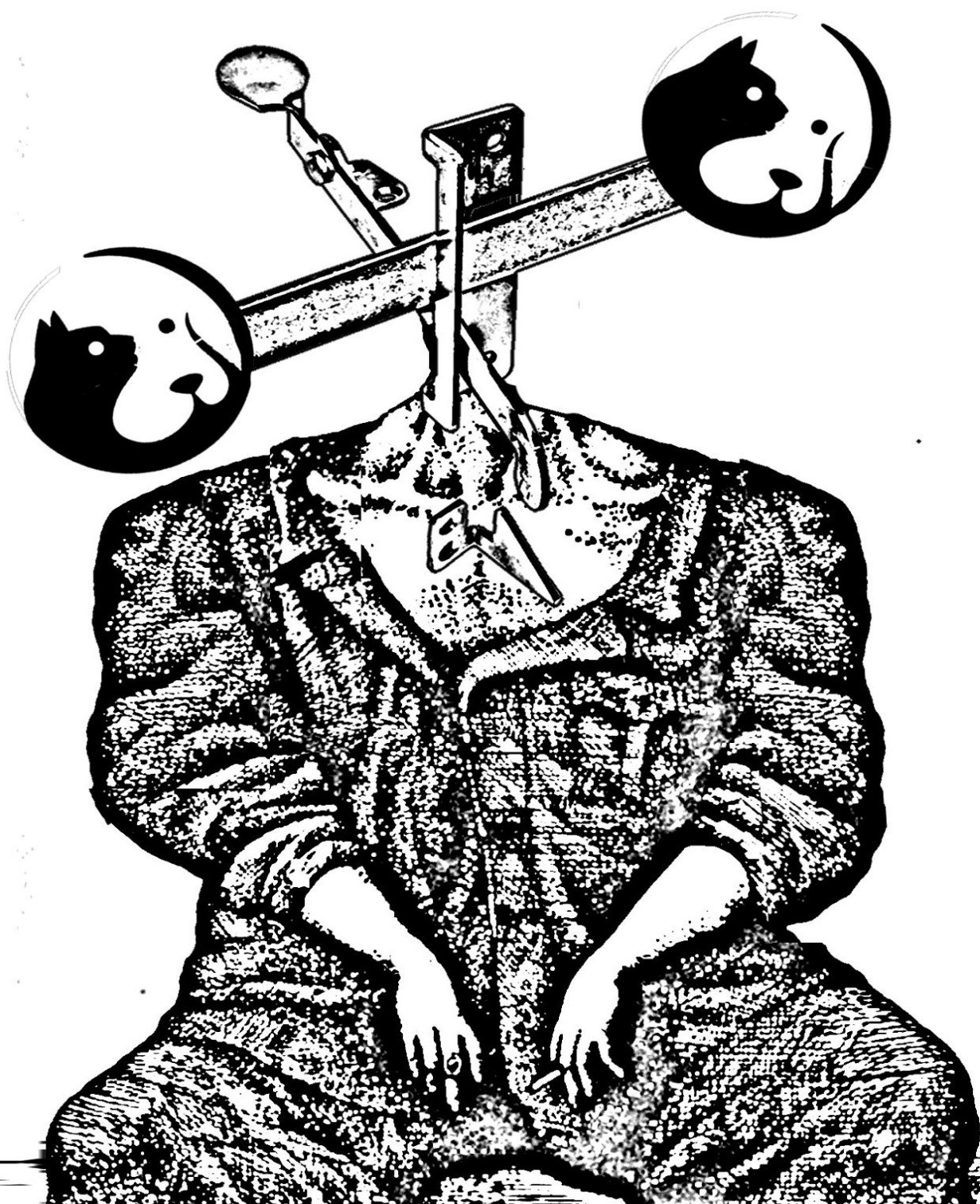

Князь Милославский

Семен Грила

Князь Милославский

Степан Степаныч страдал неким раздвоением личности. Так он сам считал. Он был то Шариковым, когда по телевизору показывали «Собачье сердце», то Бегемотом, когда показывали «Мастера и Маргариту». Он всегда хотел быть каким-нибудь животным — с приключениями.

Поначалу с фантазией было мелковато. Но потом... Потом он нашёл Булгакова. И дни полетели стрелой. Во время глубоких приступов, когда удавалось надолго перевоплощаться, Степан Степаныч таких видов видывал, что не всё мог рассказать, а когда сам вспоминал, шерсть на нём вставала дыбом. Тяжело быть одновременно кошкой, собакой и человеком. Это, знаете ли, требует труда.

Впрочем, работы Степан Степанович не боялся: он был столяром-краснодеревщиком и в человеческую смену делал такие вещи, что к нему всегда была очередь. Граждане очень дорожили знакомством с ним и терпеливо переживали его состояния. Рассказывали друг другу о похождениях его с восторгом. Любили они Степан Степаныча. И он их тоже. Поэтому щадил и защищал в своих походах, когда узнавал о надвигающихся бедах.

Однажды собака и кот завели его слишком глубоко, и где-то там, в глубине, кто-то невидимый сказал ему:

— Ты, Степаныч, задрал уже меня своими похождениями, нервируешь Бегемота и Шарика — они вон опять в лифте нассали. Лучше обрати внимание на Милославского: он тебе духовно намного ближе. Он тоже столяр.

Степан Степаныч совету внял и пошёл в кино, потом на спектакль, а потом и в библиотеку. Загрузив подкорку, поменял сценарий и стал блуждать по Руси в образе монаха-передвижника. Ну, там шкатулки разные узорами покрывал. Потом встретил ребят из «Пикника на обочине». Солоницын научил его сталкерству — настоящему, а не как он до этого.

Пошли они вместе по уездным кремлям да палатам. Много добра набрали. Степаныч еле дотащил. Неделю работать потом не мог — руки болели. Клиенты очень переживали. Просили больше тяжести не носить.

Какие тяжести? Нет у меня никаких тяжестей. И Солоницын куда-то пропал. Непруха какая-то пошла после этого Жоржа Милославского. То обвинения в переписывании истории, то забирают в милицию за подделку культурных ценностей. Я им клянусь, что сам выторговал у Ивана Грозного, — а они смеются. Обидно прям, плакался Степаныч знакомым столярам. Прям за человека не считают.

Столяры переглядывались, но вслух поддерживали и осуждали.

Однажды его в очередной раз осматривал профессор — маленький такой, хрупкий, вкрадчивый. Смотрит он на Степаныча и потом спрашивает:

— А кто, — говорит, — вам рассказал про глобальные планы переустройства Вселенной?

Степан Степаныч весь подобрался и отвечает:

— Первый раз слышу о таком. Мы люди маленькие, откуда нам знать.

— Ну как же, — говорит профессор. — Вот текст, подписанный Милославским, на имя высших сил. Вот высшие силы прочитали и спрашивают вас: кто вам это всё рассказал?

Степан Степаныч замялся:

— А что — там что-то не так? Неправильно?

— Да нет, — говорит профессор, — слишком правильно. Отсюда и вопрос: откуда у краснодеревщика такие мысли, а главное — выводы?

— А какие там выводы? — промямлил Степаныч.

— Гнать всю существующую элиту, которая ведёт мир к гибели и голоду. Существующая политика лидеров государств истощает и без того скудную биосферу и ведёт планету к краху. Пролетариев давно нет, но объединяться надо!

— Красиво, — заслушавшись, сказал Степаныч.

— Откуда это?

— Это мы с ребятами ходили на территорию, где раньше жили инопланетяне. Это они своими лучами нас просветили. Это всё они — инопланетяне.

Тут у Степаныча начался припадок.

Ушёл от ответа, подумал профессор. Опытный кадр, трудно с ним будет.

Они шли по степи, потом по лесу, а теперь пустыня, усеянная огромными валунами, бесконечно лежала между ними.

— Вот некоторые считают, что это ледники шли и разрушили горы. Но наши специалисты давно доказали, что это следствие взрывов звездолётов космических сил, когда они уходили от погони

динозавров, остатки которых теперь обитают в Марианской впадине, — сказал, оглянувшись на Степаныча, Шурик — белобрысый мальчуган, с которым они познакомились у профессора и теперь шли рыбачить. Но, видно, заблудились.

— А ты откуда знаешь? — спросил Степаныч.

— Читал, — весомо сказал Шурик. — Я с детства читаю всё подряд.

— А! — сказал Степаныч. — Теперь понятно.

— Ты познакомишь меня с ребятами, которые тебя в запрещённые места водили? — спросил Шурик. — Хочу тоже облучиться.

— Обязательно, — сказал Степаныч. — А ты кто? На Буншу вроде не похож. Чего ты лезешь везде?

— Я — Шурик. Мы познакомились у профессора.

— А рыба где обещанная?

— Сейчас всё будет. Ты вот всё знаешь — скажи: эти войны блядские когда-нибудь кончатся?

— Нет, — сказал Степаныч. — Эти войны — до самого низа.

— Как это?

— А вот так: куда ни кинь — всюду клин.

— Это ты как столяр сейчас говоришь?

— Не надейся. Это я тебе, дураку, как человек разумный говорю.

— Главное — чтобы лучше не было, — улыбнулся мальчик.

— Вот это правильно. Значит, ты понял, — сказал Степаныч. И, забросив спиннинг, спросил, повернувшись: — Ты динамит взял?

— Не, я так не рыбачу.

— А мы что, рыбачим? Опять всё перепутал.

— Ты поосторожней давай, — сказал мальчик. — А то ты скутер перевернёшь: всё время то туда, то сюда наклоняешься.

Приехали, подумал Степаныч.

Нет ещё, подумал мальчик. Когда приедем, ты удивишься.

Три, потом два, потом один. Зачем так стучать, Степаныч не понимал, но ритуал выполнял. Он пришёл в гараж к своему старому приятелю. Приятель в прошлом был из конторы глубокого бурения, но гараж выглядел как конспиративная квартира.

Зачем стучать, если у Петра Петровича всё на камерах?

Защёлка щёлкнула. Степаныч повертел на языке фразу — «защёлка щёлкнула». Старость, подумал он в результате. Мелодрама.

Он толкнул тяжёлую дверь. Пётр Петрович был внизу, в «яме».

— Спускайся! — крикнул он.

Степаныч полез вниз. Обнялись.

— Редко заходишь, — сказал Пётр.

— Дела, — в тон ему ответил Степан.

Они были одноклассники. Два лысых хрыча.

— Садись.

Сели.

— Под меня копают, — сказал Степаныч.

— Под всех копают.

— Под меня вот прямо сейчас и глубоко. Мальца какого-то подослали. Такого простого.

— Ну, сейчас со сложными туго. Где их взять?

— Малец с ходу предложил идти в заколдованные места, — Степаныч рассмеялся.

— Это плохо, — не поддержал смех Петрович.

— Почему? Объясни.

— Потому что ты хочешь донести повыше свою озабоченность, они испугались и снизили порог входа.

— Что делать?

— Да ничего.

— Развлекаться котом и собакой?

— Ну да. Не такие, как ты, развлекались — и ничего.

— А если я сойду с ума?

— Ты? — Пётр Петрович посмотрел на Степаныча, не мигая. — Вряд ли.

— А я вот не уверен.

— Ну ты же пробовал — видишь, не получилось, раз ты здесь.

— Вести мальчика?

— Веди.

— Куда?

— Сюда и веди. Мы быстро поладим, увидишь. Выпьем чего-нибудь?

— Не стоит, я пойду.

Степаныч выбрался из подвала и захлопнул за собой дверь.

Может, всё-таки Милославским сгинуть у опричников, думал Степаныч, шагая по бульвару.

Где это я? — вдруг встрепенулся он. И сразу успокоился.

Таксист вёз его то по Тельмана, то по Маркса.

Немцы кругом, думал Степаныч. Откуда они только берутся? Вот возьмите хотя бы Канта. Ну зачем, зачем эта вещь в себе? Она и так во мне. Я и так, и эдак. И кошкой, и собакой. Недавно вот был и динозавром.

— С вас три пятьдесят, князь, – сказал таксист.

— Князь? – удивился Степаныч.

— Вы же князь Милославский? Я вас в кино видел.

Приехали, подумал Степаныч.

— Приехали, – сказал таксист.